

НАСЛЕДИЕ БАХТИНА СЕГОДНЯ

В наши дни научное наследие М.М. Бахтина уже не считается чем-то вроде неисчерпаемого и общедоступного резервуара разнообразных идей и понятий, из которого каждый в случае надобности может без труда извлечь что-нибудь пригодное для решения собственной насущной проблемы – лингвистической, литературоведческой, философской или культурологической. Перестало оно быть и предметом острых дискуссий. Отношение к наследию Бахтина в значительной степени устойчиво поляризовалось: чуть ли не все преобладавшие ранее *pro* уравнились *contra*, которые к тому же подкреплены авторитетными именами (в первую очередь – именем М.Л. Гаспарова).

Более того, выступления этого ученого о Бахтине, которые при всем своем литературном изяществе носят вполне деструктивный тон и характер и повторяются уже не одно десятилетие, подвигли, наконец, некоторых его последователей на высказывания, уже никаким изяществом не отмеченные. Яркий пример – недавняя рецензия на книгу М.М. Гиршмана в «Вопросах литературы». Ее автор, Ян Левченко, говорит о «радикальном словесном безумии» раннего Бахтина, о том, что «успех “диалогистов” на поприще обоснования своей доктрины» объясняется почти исключительно постоянным употреблением слова «онтологический», которое на самом деле означает у них (ссылка на реплику М.Л. Гаспарова в беседе с А.К. Жолковским) всего-навсего «хороший». И в заключение – о том, что «носители этой идеологии образуют мощную институциональную сеть, доминируют во многих университетах бывшего СССР», причем «“околобахтинская” секта вольно или невольно образует оборонительный форпост, формируя в тех или иных сегментах общества представление о филологическом мейнстриме»¹. Характерна проговорка: «*оборонительный форпост*». И в самом деле, *наступате-*

лен в наши дни как раз другой «мейнстрим» – тот, которому кажется, что стоит сбросить Бахтина с парохода современности, как тут же для наиболее «принципиальных» его противников откроются сияющие «институциональные» перспективы.

В истории отношения к научному наследию Бахтина в нашей стране, стране поистине неисчерпаемых – во всех смыслах – возможностей, бывало всякое. Но лишь литературоведы постмодернистской формации стали рассматривать это наследие как главное препятствие для завоевания ими достаточно заметного места в «институциональной сети» и авторитета «в тех или иных сегментах общества». Впрочем, и тут дело не обходится без попыток легко и непринужденно превратить препятствие в подспорье; вспомним, например, характерное название одной книги: «Анти-Бахтин: лучшая книга о Набокове»². Вот так и постмодернизм оборачивается неизбывной традиционностью, напоминая читателю вечный и простой способ обращения с геральдическим львом, гарантирующий искомое место в истории любому желающему.

В новой культурной ситуации появились, естественно, и новые формы обращения все еще широкого круга «пользователей» бахтинским наследием со своим предметом.

Некоторые из «бахтинологических» публикаций последних 10–15 лет на самом деле представляют собою изложение *собственных* теорий пишущих о Бахтине авторов. Те или иные темы и идеи этого исследователя служат в таких случаях лишь исходным пунктом, что иногда прямо и декларируется. Так, в редакционном предисловии к книге «Бахтинология» читаем: «Бахтин оставляет собеседнику возможность свободного конструирования личных мыслительных композиций, лишь косвенно связанных с побудительной первопричиной»³. Но если «мыслительные композиции» все-таки подаются читателю в качестве «бахтинологических», возникает вопрос, сформулированный Б. Жилко: «Где проходит граница между по-настоящему

творческим подходом к мысли другого и таким подходом, который не останавливается перед фальсификацией этой мысли?»⁴.

Однако самоновейшая тенденция заключается даже не в этом, а в том, чтобы немедленно переключать разговор о Бахтине с содержания его идей (учитывая их общеизвестность, а также всеми признанную «мифологичность» и явную устарелость) на презентацию своих – совершенно новых и еще недостаточно известных – работ на те же или близкие темы. Так, по мнению автора книги о народной культуре средневековой Германии, которую он тут же и называет, монография Бахтина о Рабле «создала некий пра-научный фундамент для дальнейших более строгих и, может быть, менее вдохновенных исследований»⁵.

В области «бахтинологии», таким образом, многое изменилось. Но одно остается в течение нескольких десятилетий неизменным: популярный способ обращения с текстами ученого. В лучшем случае, говоря о его идеях, цитируют отдельные положения: как правило, без учета их контекста. Но чаще опорой для выводов исследователя служит его же изложение концепций Бахтина, причем такое, которое подменяет чужие идеи собственными.

Глубокая ирония научной судьбы одного из самых влиятельных сторонников и защитников идеи диалога заключается, таким образом, в том, что бóльшая часть его истолкователей взаимодействию с **чужим** словом предпочитают контакт со своим **собственным**. Такой подход оправдывают – прямо или «по умолчанию» – тем, что содержание книг Бахтина в основном общеизвестно, так что говорить о них в целом означает «пересказывать», а это бессмысленно. Разумнее уделять внимание отдельным понятиям или идеям и «осваивать» их. Последнее означает – применять, а также «развивать», включая в новый, современный контекст (т.е., как правило, вкладывая в предложенные ученым термины собственный смысл и добавляя к его идеям то, что им чуждо, если не противоположно).

На наш взгляд, традиция эта уже полностью себя исчерпала и дискредитировала. Разумеется, применение идей ученого необходимо, а их разви-

тие возможно. Но действительно продуктивным и то, и другое может быть лишь *при условии тщательного и систематического изучения его текстов*. Однако, такой подход к текстам Бахтина, к сожалению, почти не практикуется. Безусловное исключение представляет собой огромная и чрезвычайно ценная работа, осуществляемая группой по подготовке «Собрания сочинений» Бахтина в ИМЛИ.

С нашей же точки зрения, давно уже назрела необходимость и в другой работе: в *систематическом изучении всех используемых или впервые предложенных ученым понятий как системы*. Другими словами – необходимость создания «Бахтинского тезауруса». Работа эта ведется, хотя и очень медленно – в силу объективных не слишком благоприятных условий – уже без малого десятилетие на кафедре теоретической и исторической поэтики РГГУ под руководством проф. С.Н. Бройтмана. Нынешний семинар мы рассматриваем как ее продолжение и надеемся, что он придаст ей новые импульсы.

¹ Вопросы литературы. 2004. Июль-август. С. 342–343.

² Линецкий В. «Анти-Бахтин» – лучшая книга о Владимире Набокове. СПб., 1994.

³ Исупов К. От редакционной коллегии // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. К столетию рождения М.М. Бахтина / Сост., ред. К.Г. Исупов. СПб., 1995. С. 3.

⁴ Жилко Б. Восприятие Бахтина в Польше // М.М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие Бахтина в контексте мировой культуры. Т. 2. СПб., 2002. С. 422.

⁵ См.: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. №3. С. 15.